

М.К. Клодт. «Волга под Симбирском». 1881.
До середины XX века пейзаж оставался почти таким же

Пальцинский робинзон

Когда-то, до затопления, Волга текла в своих естественных родных берегах. В широчайшей волжской пойме, напротив посёлка Поливна, раскинулись Пальцинские луга. Своё название они получили от одноимённого села Пальцино, чьи сенокосные угодья и само село находились в этой местности. После заполнения водохранилища небольшая возвышенность в этих лугах стала называться Пальцинским островом.

Было это в августе 1943 года. Мне шёл семнадцатый год, сданы экзамены за восьмой класс. Только что я вернулся из Енганаево Чердаклинского района с военных лагерных сборов: шла война, и нас, мальчишек, готовили в солдаты. Наступивший август давал возможность немного отдохнуть перед новым учебным годом.

День первый

Середина августа – начало поры осенней охоты на пернатую дичь. Молодняк встал на крыло, зажил самостоятельно. И родители разрешили мне сходить поохотиться в Пальцинские луга, славящиеся обилием уток. Почистил я папину одностволку двадцатого калибра, зарядил комплект патронов, приготовил ягдташ и немного еды: огурцов, помидоров, картошки «в мундирах», хлеба, соли – и всё. Что ещё можно было взять? Шла война, карточная система. Даже яблок не было – яблони помёрзли в лютую зиму 1941–42 годов, когда мороз достигал пятидесяти градусов.

Взяв приготовленное снаряжение и незатейливый провиант, я и мой

школьный товарищ Виктор рано утром отправились на велосипедах в посёлок Поливна. Благо, велосипед и ружьё моей семье уже вернули.

Что значит вернули? Дело в том, что в первые месяцы войны у населения были реквизированы велосипеды, ружья и радиоприёмники. Велосипеды, как тогда объясняли, для создания велопехоты. Ружья – для внутренней безопасности, радиоприёмники – чтобы народ не слушал вражескую агитацию. Позже велосипеды и ружья были возвращены, а вот радиоприёмники так и не вернули.

Так вот, поехали мы на велосипедах в Поливну. А это было не рядом, ведь северная граница города тогда проходила по линии: училище связи – памятник Нариманову. Дальше шли кирпичные сараи, пустыри, поля, лес. В Поливне у Виктора жили родственники. Они согласились перевезти меня на лодке на левый берег Волги, то есть в Пальцинские луга, и пообещали затем забрать обратно.

Случилось так, что в это же время к родственникам Виктора приехал

из города их знакомый – бывалый и опытный охотник с великолепным сеттером. В полдень его и меня переправили через Волгу. С хозяином лодки мы договорились, что вечером того же дня он приедет за нами. Распростились. Луговыми тропами и дорогами, хорошо знакомыми Николаю Павловичу (так звали моего нового знакомого), бодро направились мы вглубь поймы, к озёрам, изобилующим утками.

Кругом дружно поднималось разнотравье для второго укоса. Тут и там стояли стога сена. Всё это перемежалось небольшими купавами лиственных деревьев, из которых изредка, словно свечи, торчали стройные сосны с пирамидальными верхушками, напоминающими издали куполообразные соцветия каштана. Кое-где одиноко, без какого-либо окружения стояли собраты свечкообразных сосен, но они являли прямую противоположность им – развесистые, художественно, невообразимо изогнутые сучья произрастали из ствола чуть ли не от самой земли. Воздух,

напоённый благоуханьем разноцветья волжских заливных лугов, звенел разноголосым жужжанием слепней, шершней, оводов и других летающих и жалящих. Из травы доносился стрекот кузнечиков. В нескольких местах своеобразными голосами «дёргали» дергачи. В отдалении сиротливая кукушка методично отсчитывала аванс на предстоящие годы.

Наконец могучими толстокорыми осоками, развесистыми вёслами и ивами вышли к озеру. Покатые склоны озёрной чаши переходили в береговую линию, скрытую густыми зарослями вербовника.

– Оставайся здесь, – сказал Николай Павлович, – а я пойду вокруг озера к противоположному берегу. Услышишь выстрелы – смотри на летящую на тебя птицу и бей влёт.

Прошло некоторое время. Вдали слышались выстрелы, но никто в мою сторону не летел. Я стоял у кромки берега, в узкой просеке, кем-то заранее специально прорубленной. Вербовник был высокий, и через эту щель просматривалась полоска неба с озёрной спокойной гладью. Конечно, трудно попасть птице в эту вертикальную амбразуру. Не помню, сколько я так простоял с ружьём наизготовку, но после нескольких выстрелов моего спутника я вдруг увидел летевшую прямо на меня большую кряквенную. Вскидываю ружьё, беру на опережение, нажимаю на спусковой крючок. Выстрел, и – тишина. Только специфический запах отработавшего сгоревшего пороха. Попал, не попал – не знаю, кругом ничего не видно.

Стало смеркаться. Выстрелы Николая Павловича прекратились, и я стал выбирать из зарослей, чтобы идти на условленное место встречи. Вдруг слышу под ногами какой-то шорох. Наклоняюсь – в траве трепыхается та, в которую я целился. Попал! Но только ранил, подбив крылья. Положил живую в ягдташ и, обрадованный успехом, весело пошёл дальше.

Вскоре мы встретились с Николаем Павловичем, чтобы идти к лодке. Его охотничий пояс был увешан богатыми трофеями – более десятка уток. Вот что значит опыт и помощь собаки, достающей упавшую дичь!

И тут мой наставник говорит:

– Слушай, Саша, трофей у тебя небогатый. Кряква жива – не испортится. Я поеду домой, а ты оставайся, переночуй и на утренней зорьке

походи ещё по лугам, постреляй. А хозяина лодки я попрошу завтра часов в 12 приехать за тобой.

На том и порешили. Николай Павлович со своим сеттером ушёл к берегу, а я остался один. Сумерки ступились, надвигалась ночь. Я расположился у ближайшего стога сена, разделил пополам свой незатейливый съестной запас, поел, забрался на стог и, устало потянувшись, закрыл глаза. Дрёма опутала сознание, и я заснул...

День второй

Когда я открыл глаза, солнце уже было над горизонтом. Накануне я изрядно устал, вот и проспал утреннюю зарю – самую благодатную пору охоты. Решил немного побродить вокруг озёр и, если посчастливится, увидеть желанную цель и пострелять.

Но сначала нужно было понять, сколько времени. В те времена весьма скромной жизни у нас, мальчишек, не было такой роскоши как часы, поэтому время пришлось определять методом, почерпнутым из школьной программы. Палочкой начертил на земле окружность, сделал на ней отметины, соответствующие часам суток, направив двенадцатичасовую на север. Компаса, конечно же, не было, но я определил север, воткнул в центр круга палку. Тень от неё указывала на восемь часов утра. Я доел скудные продовольственные запасы и отправился в путь.

Пробродив часа два по лугам и посетив несколько озёр, стариц, баклуш, я, к сожалению, не увидел ни одной утки. Очевидно, было такое время дня, когда вся дичь притаилась в укромных местах. Наконец набрёл на озеро средней величины. Параллельно берегу, повторяя его изгибы, шла полоса высокого камыша, в сочной, местами желтеющей зелени которого виднелись бархатистые коричневые головки-соцветия. За первой полосой шла вторая – из сплошь плавающих овальных листьев. Сквозь этот зелёный плавающий ковёр радостно пробивались головки белых лилий и жёлтых кувшинок. А дальше шла прозрачная поверхность озера.

Среди ряски плавали три чирка. Увидев их, я тут же присел и, пригнувшись, стал бесшумно подкрадываться поближе к уткам. Я слегка привстал и с колена сделал выстрел. Два чирка взвились в воздух и улетели. Третий, с опавшей в воду головкой, остался на месте. Я попал! Но как его достать?

У меня ведь не было собаки, а лезть в густые подводные заросли, в которых легко запутаться, боялся. И всё-таки решился: разделся, вошёл в воду. К счастью, заросли были негустые, и я достал свою добычу.

Время приближалось к двенадцати, надо было торопиться к прибытию лодки. Минут через тридцать я вышел к берегу, осмотрелся. Ни встречающих, ни лодки! С тревогой подумал: а вдруг опоздал? Неужели подождали и уехали? Как это можно? Ведь перебраться на другой берег у меня нет никакой возможности.

Ещё раз по солнцу определил время. Полдень. Стал ждать. Чтобы привлечь к себе внимание, выстрелил и помахал снятой рубашкой. Несколько раз прокричал «ау».

Ширина реки в этом месте была около километра. На противоположном правом берегу вдоль реки виднелись несколько изб Поливны. Из труб вился дымок – хозяйки начали готовить обед. При мысли о еде у меня засосало под ложечкой, захотелось есть, но еды-то как раз у меня и не было.

Сел на корягу и стал ждать. Безлюдье и умиротворяющая тишина. Иногда с криком проносились чайки, в небе парил ястреб, высматривая добычу. Поодаль серая осторожная ворона, нервно озираясь вокруг, расправлялась с выброшенной на берег солитёрной рыбой.

Время шло. Солнце перебралось через Волгу в правобережье. Никого нет, и какого-либо движения в посёлке не видно. По мосту прошёл «патронник» – так назывался в ту пору рабочий поезд, перевозивший рабочих со станции «Ульяновск II» на станцию Володарского завода. Доставив домой первую смену, он вернулся обратно. Значит, уже 17 часов. Пригородный рабочий поезд и немногочисленные пассажирские поезда служили нам, проводящим досуг на Волге, своеобразными часами – мы хорошо знали расписание их движения через мост.

Вечерело. Никто за мной не приехал. Хотелось есть. Конечно, можно было разделать убитого чирка и зажарить его на костре – получился бы шикарный ужин. К сожалению, я не мог разжечь костёр – у меня не было ни спичек, ни «кресала». В трудное военное время спичек не хватало, так что нам, мальчишкам, приходилось пользоваться «кресалами», а в солнечную погоду – увеличительными

стёклами. Были ещё зажигалки, которые кустарным способом делали рабочие и продавали на толчке, но нам они были не по карману. А вот «кресало» – вполне доступный агрегат. Ножовкой обрезали торец винтовочной гильзы. В полученную трубку вставляли фитиль из мягкой, способной затлеть от искры, ткани. На этот фитиль выбивали из очень твёрдого камня металлическим предметом искру. Фитилёк начинал тлеть. Его раздували и подносили к нему бумагу или какой-нибудь другой легко воспламеняющийся материал.

Даже этого простейшего зажигающего «агрегата» у меня с собой не было, и вкуснейший ужин из утятины остался только в моих сладостных мечтах.

Тем временем солнце давно зашло за высокое правобережное нагорье, стало быстро темнеть. Фарватер Волги постепенно расцветивался красными (правый берег) и белыми (левый берег) бакенами, зажигаемыми бакенщиками. Но это было от меня далеко, и кричать не было смысла. Надо было как-то устраиваться на ночлег. Уйти в луга, чтобы переночевать в стоге сена, я не мог, так как думал, что за мной всё-таки придут. Я нашёл полуобнажённое большое корневище, в котором образовалось нечто подобное гроту. Принёс туда охапку сена и устроил себе ложе. Ягдташ с чирком и живой кряковной положил в сторонке. Укрывшись с головой от досаждающих комаров, я крепко заснул.

День третий. Тревога

День начался с приключений. Рядом не оказалось ни ягдташа, ни уток. Удивился и расстроился. Неужели ночью кто-то приходил и унёс. Или какое-нибудь четвероногое уволокло. Странно. Выбрался из своего убежища и метрах в пяти увидел пропажу. Живая кряковная, не потеряв силы, всю ночь, очевидно, трепыхалась и уползла в попытках спастись. Но сетка ягдташа не позволила ей это сделать.

«Беглецов» вернул обратно. Попытался вновь обратить на себя внимание правого берега. Кричал, махал рубашкой, даже один раз выстрелил. Всё тщетно! Никто не реагировал, ни одна лодка от Поливны в мою сторону не отошла. Потекли томительные часы ожидания, полные тревоги и неизвестности. Волновался я и за родителей. Они ведь не знали, куда я пропал.

Проходили пассажирские пароходы, буксиры тянули за собой караваны барж, медленно проплывали плоты с домиками и кострами, доносившими до меня аппетитные запахи приготовляемой плотоводами еды. Раз даже величаво «продефилировала» беляна, сверкая свежееотёсанным пиломатериалом. Вообще, надо сказать, в тот третий военный год движение по великой русской артерии было значительно интенсивнее, чем сейчас.

Прошли сутки, как я последний раз поел. В желудке урчало и сосало, но занять его было нечем. Вышагивая по берегу туда и обратно, я обнаружил большое количество выброшенных прибором недоеденных яблок, обрезки арбузов с большим количеством красной мякоти. Голод не тётка! Стал подбирать эти остатки чьего-то стола, тщательно промывал их и, обрезая ножом, съедал оставшееся. Вода в Волге в те времена была чистая. Её пили, без боязни подцепить желудочную инфекцию. Рацион свой я разбавил перьями собранного в лугах дикого лука. Одним словом, желудок свой я кое-как наполнил. Немного, но всё-таки.

А время шло. Опять несколько раз туда и обратно прошёл по мосту «патронник», промчались другие поезда. Опять солнце стало клониться к высокой кромке правобережья. День уходил, а вызволителей не было.

С ужасом я заметил, что небо в верховье Волги стало грозно темнеть. Вдали появились сначала редкие, а потом всё более частые сполохи зарниц – надвигается гроза.

И вдруг на середине реки показалась лодка. Неужели вспомнили, неужели за мной?! Лодка сходу прошуршала днищем по песку и остановилась возле меня.

– Скорей залезай и поедем, а то, видишь, гроза надвигается, – раздражённо пробурчал приехавший за мной мужчина.

Молча я оттолкнул лодку от берега, запрыгнул в неё, и мы поплыли обратно, держа нос лодки несколько вверх для компенсации сноса течением. Быстро пересекли Волгу, привязали лодку к торчащим из воды кольям и пошли в дом хозяина.

Там меня ждала мама. Наволновавшись из-за моего долгого отсутствия, она пришла в Поливну (папа в то время находился в больнице). Вот почему прислали лодку!

А на дворе стало совсем темно от надвигающейся грозовой тучи. Дождь, начавшийся ещё когда мы были на середине реки, хлынул как из ведра. Потоки воды по волжскому косогору сделали дорогу совсем непроходимой. Остаться тоже было нельзя. Мама попросила хозяина довезти нас на лодке хотя бы до первой пристани в городе. Он согласился. Погрузили в лодку мой велосипед, сели сами и, накрывшись брезентом, вместе с течением реки поплыли к городу. Через некоторое время причалили у первого дебаркадера, что был установлен под спуском Перовской (сейчас его нет, он находился в створе улицы Рылеева). Выгрузились, поблагодарили хозяина и распрощались с ним.

Предстояло преодолеть последний участок моего вояжа – деревянную лестницу спуска им. Перовской в 679 ступеней. Земля из-за дождя была скользкой, по ней, как и в Поливне, идти было нельзя. Мама с ружьём и моими трофеями, я с велосипедом на плече потихоньку, с передышками преодолели высотную преграду. А там и до дома недалеко – жили мы на улице Радищева, наискосок от четвёртой школы.

Пришли домой. Я почистился, умылся. Наконец-то хорошо поел, лёг в свою постель и заснул мертвецким сном горемыки-путешественника.

День четвёртый

Ох, и досталось мне от мамы за мои «художества». Досталось за то, что не вернулся в первый день, как договорились. За то, что остался в лугах один на ночь. Мама была права. Шла война, и в лесах иногда прятались дезертиры, которые «пошаливали».

До сих пор не знаю, почему за мной не приехали на другой день. То ли Николай Павлович ничего не сказал хозяину, что маловероятно, то ли хозяин лодки забыл про меня или по какой-либо причине не смог приехать. Всё могло быть.

Утром я долго отсыпался. Проснулся разбуженный невероятно ароматным запахом обжаренной дичи. На столе в жаровне, кверху лапками, блестя от жира коричневыми бочками лежали мои охотничьи трофеи. Так за сытным и вкусным столом, после политико-воспитательной проработки, завершилась моя пальчинская робинзонада, о которой я помню по сегодняшний день.

Александр Усольцев